

СЕРГЕЙ МАРТЫНЕНКО

ЭФФЕКТ ПЕРВАННОГО СЧАСТЬЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мартыненко Сергей

Эффект прерванного счастья

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мартыненко Сергей

Эффект прерванного счастья / Мартыненко Сергей — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Что если слова не нужны для того, чтобы чувствовать и понимать
окружающий мир. Содержит нецензурную брань.

Содержание

I	6
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Мартыненко Сергей

Эффект прерванного счастья

Я жалею только о том, что моя жизнь – это не рок-песня, которую могла бы после моей смерти перепеть очень милая девочка с чистым голосом на более спокойную мелодию. Тогда, может быть, всё стало бы более понятно.

I

На какое-то мгновение слезы подкатили к горлу, обида на собственную беспомощность стала нестерпимой, она чувствовала, как начинается кружиться голова, воздуха с каждым вздохом становилось всё меньше, картина перед глазами превратилась в неразборчивую цветную кашу, а удары её сердца казались единственным источником звука. Машинально она запустила руку в свою сумочку и резким движением вынула маленькую бутылочку воды, уронив все остальное на мокрый тротуар. Лежавший в куче подручного хлама телефон издал короткий звук, под образовавшейся трещиной появился значок производителя, который, к слову, утверждал о высокой прочности стекла их дисплея, ставшего к этому времени безжизненно-черным. Содержимого в бутылке едва могло хватить на пару глотков, но этого было достаточно, чтобы протолкнуть пузырь слёз в пустой желудок и перевести дух. Она уже сталкивалась с паническими атаками, но этот случай не был похож на все остальные. Приходя в себя, она еще до конца не понимала, где находится и какое сейчас время суток. Только спустя пару минут мозаика перед глазами приобрела очертания центральной улицы города, где она жила последние семь лет, а шум машин, пролетающих в какой-то паре метров, наконец-то разбавил повисшую немоту в голове. Сейчас, оглядываясь по сторонам, она видела картину, которую наблюдала каждый день: одни и те же дома, одни и те же люди, шагающие в одно и то же время, но только в этот момент она почувствовала себя не в своей тарелке, словно смотрела на мир не своими глазами. Всё вокруг было чужим.

На тротуарной плитке все ещё валялось содержимое сумочки, она вспомнила об этом, только когда услышала звонкий звук покотившейся стеклянной баночки с лаком для ногтей по выпуклому рисунку тротуара. Один из бегущих домой мужчин задел часть её женского туалета своей лакированной туфлей, но постарался сделать вид, что ничего не заметил и растворился в плотной толпе сшитых на заказ пиджаков. Никто так и не остановился, чтобы ей помочь. Возможно, потому, что внешне она никак не выдавала тех чувств, которые овладели ей изнутри, но скорее всего потому, что никому не было до этого никакого дела. Шанс выехать в первых рядах с парковки, минуя двадцатиминутную пробку, был куда важнее, чем небольшой плюсик в карму. Двадцать минут свободного времени вдали от рабочего места – сложно представить, что могло бы заставить человека пойти на такую жертву.

«Кто ей звонил? И какая новость могла так её ошеломить?» – я жонглировал в своей голове этими двумя вопросами, понимая, что уже сделал свой выбор, и что теперь моя перво-степенная задача – найти ответы.

Я проследил за ней до самого дома. Она ни разу не остановилась, ни разу не оглянулась и так и не включила сотовый, просто сунув его в задний карман брюк. Она занырнула в подъезд новостройки, и металлическая входная дверь, подобно гильотине, отсекала просторный отапливаемый холл от холодной пустоты улицы, в которой я так безнадежно утопал.

Засыпая, я не мог выкинуть её из головы. Я практически не видел её лица, но был уверен в его совершенстве. Её каштановые волосы едва касались плеч, а хрупкое тело поддавалось каждому рывку ветра. Пока ещё ее образ был достаточно свеж в моей памяти, я всё думал: «Как мужчинам могут нравиться в девушках мальчишеские черты?» Я вспоминал Лолиту Набокова и не мог понять, как такой несформировавшийся человек может вызывать такую животную страсть во взрослом состоявшемся мужчине? В Лолите не было боли, на её душе не было старого уродливого шрама, разве такого человека можно полюбить? А в моей таинственной избраннице я всё это чувствовал, точнее, я это видел. На вид ей было не больше двадцати пяти лет, но назвать её девушкой у меня не поворачивался язык. Это была женщина, а такая женственность не приходит без боли. Прочувствовав эту мысль всем своим телом, я проглотил застоявшуюся слюну и постарался уснуть.

II

Утро было морозным. Я понял это, не вставая с кровати. Мои колени практически касались подбородка, а из-под тонкого одеяла выглядывала только макушка. Веки слипались, и сон снова накатывал теплыми волнами, но уснуть я не мог. Уже не помню, когда я последний раз высыпался. Каждая ночь сопровождалась безумным слайд-шоу из воспоминаний и фантазий, а раз в неделю я гарантировано ловил сонный паралич из-за скопившейся усталости и уже забыл, когда, закрыв глаза, я проваливался в безмятежную тьму и крепко спал.

Не знаю почему, но пока я лежал в полубреду, промерзая до костей, я вспомнил поездку на рыбалку с отцом, хотя в том воспоминании отец был не больше чем тенью. Мы уехали далеко за город на машине моего двоюродного деда, который был за рулём, и, помимо нас с отцом, был еще мой дядя. Думаю, мне тогда не было и шести лет. Мне всегда нравилось смотреть, как бур вгрызается в лёд, словно замороженный я наблюдал, как острая спираль уходит всё глубже и глубже, а после остается ровное отверстие, из которого мне позволяли черпаком выловить смесь снега и льда, похожую на манную кашу. Оставшуюся часть времени я бегал от одного отверстия к другому и потрошил старые лунки, едва успевавшие затянуться тонкой пеленой льда. Собравшись домой, мы сели в машину, но, как оказалось, бензина на обратную дорогу у нас не было, и после короткой дискуссии взрослые пришли к заключению, что ждать других рыбаков нет смысла, чтобы попросить у них топливо, ведь вряд ли кто-то приедет рыбачить после обеда, и было принято решение идти домой пешком. Я точно запомнил, что город был в сорока километрах от озера, где я ковырялся во льду, потому что в голове я долго крутил цифру «40», и она не казалась такой уж большой, но по разговорам взрослых я пришёл к выводу, что это достаточно далеко. Даже сейчас я с трудом верю, что мы прошли сорок километров зимой и не замёрзли где-нибудь в лесу. Конечно, я прошел значительно меньше, скорее всего я не прошел и пары километров, меня несли на плечах поочередно мой отец и дедушка, думаю, даже мой дядя, которому было около пятнадцати лет, успел внести свой вклад в моё продвижение в сторону дома. Помню, как мы грелись на ржавых шершавых трубах, и как сильно я не хотел с них слезать и снова возвращаться на дорогу. Рискну предположить, что больше таких труб на нашем пути не попадалось и оставшуюся часть пути мы проделали под пристальным взглядом холодной сибирской зимы, пока не дошли до самой ближайшей остановки. Последние километры к дому нас всех нёс тёплый оживленный автобус, и, запревая под ватными штанами и огромной зимней курткой, я уснул. Первым делом мама отправила меня под горячий душ, после выдала чистую одежду и посадила за стол, где меня ждал горячий сладкий чай и свежесваренная молочная каша с ложкой малинового варенья по центру.

Пытаясь вспомнить ещё дни, когда отец был трезвым, я полностью пробудился, но вспомнить так и не смог.

Я никогда особо не брался анализировать жизнь своего отца и то, как это сказалось на мне. Он мне часто снился, и даже во сне я с ним только ругался, но, в отличие от него, за свои поступки я хотел отвечать сам. Все кругом только и делали, что рассказывали о жестокости своих отцов и о том, как они их простили. Я рассказывать ничего не хотел, но простить, наверно, стоило. У нас на роду было написано: «гореть от водки», и только единицы аккуратно тлели на ветках семейного древа. Я не пил даже пиво уже целую вечность. Не то чтобы я боялся сорваться, уйти в запой и повторить судьбу предков, мне просто не нравилось состояние организма на следующий день, по-моему, я даже никогда не пил два дня подряд. Мне больше нравилось ощущать себя полным энергии и полностью здоровым, быть всегда готовым к бою, хоть я и обычно просто валялся на диване после рабочего дня. Поэтому я терпеть не мог выходные и праздники. Безделье и лень вступали в химическую реакцию с моей гиперактивностью, и, если я не нашел чем себя занять в такой день, то к вечеру ненависть к самому себе прожигала

в моем мозгу воронку диаметром с грейпфрут. Но ни воронка, ни полное изнеможение ещё не гарантировали мне глубокий и здоровый сон. С облегчением вспомнив, что сегодня понедельник, я поднял ноги к потолку и стряхнул с себя одеяло.

У подъезда меня ждала машина. Нижняя часть этого старенького седана была покрыта двухсантиметровым слоем грязи, всё остальное было покрыто слоем грязи поменьше. Какого цвета была машина, сложно сказать, я и в марке-то не до конца был уверен. Кажется, на руле я видел надпись «Nissan», но не удивился бы, что ни надпись не имеет никакого отношения к происхождению автомобиля, ни руль. По ощущениям, это был наш бензиновый соотечественник. Внутри меня ждал полудремавший коллега, который лениво открыл глаза в такт моему хлопку дверью.

– Привет, – на выдохе выронил я и приковал себя ремнем безопасности к пассажирскому сидению.

– Ага, – зевком ответил мой сосед и повернул ключ зажигания.

Виктор Александрович – в день знакомства он обязал меня обращаться к нему «Витя», но в первое время я всё-таки использовал более официальное обращение. Дело было даже не в неловкости самого общения с человеком, который старше тебя на два десятка лет, а в уважении к человеку. Возможно, Виктор Александрович за свою жизнь и не сделал ничего такого, за что им можно было бы восхищаться, но повода его не уважать я не видел. Меня слегка настораживала та лёгкость, с которой он принимал незнакомого человека. В повседневной жизни панибратскому общению я предпочитал торгово-материальные отношения, где вместо одолжений и обещаний присутствуют точные сроки и справедливая оплата труда. Может, поэтому у меня практически не было друзей. Но когда на моё очередное обращение на «Вы» Виктор Александрович послал в мой адрес пару лестных слов, которые в свою очередь слали меня куда подальше, то я сдался и даже привык называть своего коллегу так, как он и просил.

– Что-нибудь надо в магазине? – останавливаясь у какого-то жилого дома, спросил Витя.

– Нет, вроде ничего, – ответил я и снова провалился в свои мысли.

Минут через пять коллега вернулся, плюхнулся в водительское кресло и открыл только что купленную пачку сигарет. Какое-то время он так и сидел с незажжённой сигаретой во рту и смотрел куда-то вдаль. После поднес зажигалку к сигарете, втянул в себя серое облако и, выпуская его в окно, спросил:

– Ты ведь тоже занимался?

– Чем? – слегка недоуменно спросил я.

– Да вон, футболом.

Он кивнул в сторону детской площадки, где в тёплых куртках бегали четверо детей и пинали мяч. Я даже удивился, что в такое время года детям есть дело до спорта.

– Да, было дело, но особо ничего там не добился.

– А хотел?

– Не уверен. А чего вдруг заинтересовался?

– Да сын мне тут на днях заявил, что хочет, чтобы я его отдал на хоккей.

В нашем городе это была распространённая практика, хоть я сам ни разу и не был на хоккейном матче, из разговоров коллег и знакомых я знал больше необходимого о данной сфере.

– Не самый дешёвый вид спорта, насколько я знаю, но у нас он хорошо развит. Если и выбирать между футболом и хоккеем, то перспективнее точно будет пустить пацана на лёд.

– Дело не в выборе. Дело в том, что мне бы не хотелось отдавать его в командный вид спорта. Это, конечно, хорошо – физические нагрузки, развитие, но боюсь я этой категоричности: «своя команда», «чужая команда». Сам понимаешь, время не простое, хочется, чтоб думал он своей башкой, – Виктор затянулся в последний раз, после чего выкинул тлеющий окурок в приоткрытое окошко.

– Наверное, это проблема всего соревновательного спорта, там всегда будет кто-то чужой, так что, может, и лучше будет, если он узнает, кто тут свой? И разве спортивная злость может пойти во вред?

– Спортивная или не спортивная – она всё равно злость. А у нас в стране очень много людей, кто может разжечь её в человеке и использовать это пламя в своих целях. Я сам не заметил, как опустились мои забрала, когда мне дали автомат в руки и показали пальцем, сказав «чужие». Это я только потом понял, что нет никаких чужих, но руки-то уже были по локоть в крови и обратного пути не было.

На минуту повисла тишина. Я смотрел на тех пацанят, которые бегали за мячом, толкались и смеялись. Они выглядели жизнерадостными и счастливыми. Я попытался себе представить, чего может стоить детская улыбка, но побоялся отвечать «всего». Всё-таки есть в мире вещи, ужас которых я просто не в силах себе представить. Наверное, мой коллега был в чем-то прав, но было лень разбираться. Очень хотелось спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.